

Леока
Хабарова

Дочь для
ОЛИГАРХА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Леока Хабарова

Дочь для олигарха

<https://litres.ru/74122169>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вячеслав Нестеренко – успешный бизнесмен. Однако личная жизнь богатого вдовца похожа на ночной кошмар: единственная дочь выросла на хлебницей и хамкой, связалась с плохой компанией и всерьёз подседа на наркотики. Семейные проблемы Нестеренко тщательно скрывает, а деловые партнёры считают его образцовым отцом. Потенциальный инвестор приглашает Вячеслава с дочерью на совместный отдых, и перед Нестеренко встаёт нелёгкая задача – где взять дочь, которая не опозорит его в глазах коллег по бизнесу? Решением становится молоденькая барменша по прозвищу Морена. Вот только что делать, если чувства к фальшивой дочери Вячеслав испытывает далеко не отцовские?

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	28
ГЛАВА 4	36
ГЛАВА 5	46
ГЛАВА 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Леока Хабарова

Дочь для олигарха

ГЛАВА 1

Эту вазу Машенька купила под новый год, когда они только-только переехали в Москву. «Волшебство!» – сказала она тогда и затанцевала с хрустальной красавицей по убогой комнатухе. – «В самый раз для букетов, которые ты даришь!».

Машенька танцевала с вазой, улыбалась и казалась ему самой красивой женщиной на всём белом свете. Самой-самой красивой. Самой любимой. Самой желанной... Хотя нет, не казалась. Такой она и была.

Была...

А теперь её нет. Зато есть дочь.

Надежда и опора...

– Ненавижу тебя! – взвизгнула Ангелина, и ваза, врезавшись в стену, разлетелась на тысячи осколков. – Ненавижу! Ты тварь! Тварь! Скотина! Паскудная сволочь!

Вячеслав нервно сглотнул. Перед глазами стояла картина: Ангелина в платье снежинки читает стихотворение Маршака, а потом прыгает от счастья, получив в награду яркую картонную избушку, полную конфет. Среди конфет выделяется

здоровенный шоколадный Дед Мороз...

«Папочка! Ты самый лучший на свете!» – сказала она тогда, давно-давно, в другой жизни. В той самой жизни, когда Машенька танцевала по комнате в обнимку с вазой, в которой отлично смотрелись букеты её любимых жёлтых хризантем...

Руки непроизвольно сжались в кулаки. Костяшки громко хрустнули.

Вячеслав Игоревич Нестеренко был богат, успешен и влиятелен. Его дом располагался в живописном пригороде на берегу реки, бизнес шёл в гору завидными темпами, деньги текли в карман бурным потоком. Однако... всё это он не задумываясь отдал бы за одну единственную возможность повернуть время вспять, вернуться назад лет на пятнадцать, в убитую сталинку на окраине и увидеть... увидеть, как Машенька танцует с вазой, как Ангелина, взобравшись на табуретку, читает стихи...

Хотя бы на один краткий миг...

– Урод! – на этот раз в стену полетел фарфоровый слонёнок. – Чтоб ты сдох!

За несчастным слонёнком последовала книга, за ней – увесистое пресс-папье. В ход шло всё, что оказалось в радиусе пары метров.

Вячеслав знал, что будет тяжело, но не предполагал, что настолько.

– Ты никуда не пойдёшь, Ангелина, – сказал он твёрдо и,

добавив голосу стали, продолжил: – Твои счета заморожены, а карта заблокирована. Без моего ведома никто не покинет дома и не войдёт в него, так что дружков своих ты не увидишь. Прости, дочка, но так надо. Так лучше для тебя.

Последние фразы были лишними. Психолог советовал воздержаться от подобных объяснений, но Вячеслав не смог. Да и как тут сможешь? Ведь перед ним вовсе не двадцатитрехлетняя девица с коротко стриженными, выкрашенными в жуткий синий цвет волосами и гигантскими тоннелями в ушах, а кареглазая мышка-малышка с тугими косами и ямочками на щеках...

«Папочка! Ты самый лучший на свете!»

Вот ведь чёрт!

Вячеслав шарахнул дверью и, не колеблясь, повернул ключ. Лина тут же замолотила по двери кулаками и заскулила, точно раненая волчица.

Вот чёрт!

«Будет легче», – говорили ему, когда дочери сравнялось шестнадцать, и её впервые притащили домой пьяную вдребадан. – «Она перерастёт. Перебесится...».

Однако Ангелина росла, и становилось только хуже.

Привод в семнадцать. Выкидыш в девятнадцать. Возбуждение уголовного дела в двадцать...

Вячеслав отмазывал дочь всеми силами. Отмазывал, как мог. От всех. Благодаря его связям Ангелину до сих пор не отчислили. Она продолжала учиться на переводчика, хотя

месяцами не появлялась в Университете. Преподаватели покорно ставили зачёты, а как же иначе! Ведь это же дочь самого Нестеренко!

«Она на языковых курсах в Амстердаме», – врал он ректору, когда Ангелину арестовали за пьяный дебош.

«Отправилась с корпусом мира в Гану», – сообщил, когда дочь пропала неведомо куда на неделю.

Ангелина приводила в дом друзей. От друзей этих у Вячеслава болело сердце. Нет, он сам далеко не монах, и молодость у него была... ну... в общем, что надо была молодость, только... «увлечений» дочери Слава не мог ни понять, ни принять...

Наркотики...

Какое простое и страшное слово. Сколько боли в нём. Сколько сломанных надежд...

Как же так вышло, что их с Машенькой девочка-ангелочек подседа на эту дрянь? От одной мысли об этом нехило бросало в дрожь.

Бедная девочка...

Он пытался её лечить. Ангелина сбегала из наркологии дважды.

Вячеслав нанимал психотерапевтов. Одного Лина искусала, с другим переспала.

А теперь заявила, что собирается замуж за какого-то наркологу, которого и человеком-то назвать можно только с большой натяжкой.

Ну уж нет!

Довольно!

– Ты не выйдешь отсюда до приезда доктора Тихомировой! – отрезал Вячеслав, развернулся и зашагал прочь, а в спину летели проклятия, одно страшнее другого...

Он мог бы попросить коньяка в гостиную, разжечь камин и сесть в кресло, но... Остаться дома не хватало сил, словно сами стены здесь были пропитаны ядом...

– Куда вас на ночь глядя несёт? – спросила Светлана Семёновна, складывая руки на могучей груди. Хаускиперша, до смешного похожая на Фрекен Бок из советского Карлсона, нахмурилась, как небо перед бурей. Обязанности суровой домработницы трансформировались причудливым образом, и Вячеслав порой терялся в догадках, кто настоящий хозяин в доме: он, или всё-таки эта грозная пышка?

– Мне надо выпить, – коротко бросил он, стаскивая с вешалки бежевый плащ.

– Выпить можно и дома, – набычилась Светлана Семёновна, но тут же смягчила тон. – Я распоряжусь, и вам принесут коньяку. В гостиную, как вы любите. Камин разожжём...

«Говорит со мной, как с ребёнком», – сердито подумал Вячеслав, а вслух сказал:

– Я недалеко и ненадолго. Пригляди за Линой, ладно?

– Ладно, – буркнула домоправительница. – Только сами чур за руль не садитесь.

– Так и быть, – согласился Вячеслав, прихватил с пуфа завёрнутую в подарочную бумагу книгу и зашагал к выходу. Остаться с величайшим разочарованием жизни под одной крышей не было сил.

Водитель Валера встретил его у гаража, где обитали два автомобиля: суровый квадратномордый внедорожник, за руль которого никто, кроме самого Вячеслава Игоревича, никогда не садился, и белоснежный красавец Бентли. Раньше компанию им составлял глазастый голубой Порше. Нестеренко подарил его Лине на совершеннолетие, однако особого восторга дочь не испытала.

«Жалко, что не красный», – вздохнула она, принимая ключи. Вячеслав расстроился до крайности: его собственным первым автомобилем стал ржавый сороковой москвич цвета жидкого дерьма, но Слава, выклянчив у двоюродного деда это чудо отечественного автопрома, чуть не умер от переполнявшего душу счастья. Он день и ночь ковырялся в чермете, доводя машину до ума, а на выходных рассекал по району, точно пафосная глыба, и катал хохочущих девчонок. В том числе, Машеньку.

А тут... цвет не тот!

Ангелина подарком не дорожила. Однажды укатила на своём глазастике в ночь, а домой её привезли уже на такси. Пьяную, заблёванную и без трусов. Куда дочь дела Порш, Вячеслав спрашивать не стал. Он отобрал у Лины права и

нанял водителя. Двадцатисемилетний Валерий оказался человеком надёжным и молчаливым – то, что надо. Ангелина тут же возненавидела парня, окрестив «полудурком», но Вячеслав был доволен новым сотрудником целиком и полностью. Пусть умом Валерий и не блистал, но обладал кучей важных достоинств. К примеру, он никогда не задавал лишних вопросов.

Вот и сейчас парень, не сказав ни слова, открыл дверцу белоснежного красавца, дождался, когда Вячеслав устроится на заднем сиденье, и уселся за руль. Мотор заурчал, словно сытый тигр, и Бентли, шурша колёсами по плитке, выехал за кованые ворота.

Молчун Валерий не спросил, куда ехать. Он и так это прекрасно знал. Крошечный бар в недрах спального района – чудесное тайное убежище, где Вячеслав мог укрыться от всех проблем и забот и как следует расслабиться. Когда-то давно, миллион лет назад, тут располагалось кафе-мороженое, и Нестеренко приходил сюда каждое воскресенье с женой и дочерью, ведь жили они буквально за углом. Потом тут открыли чайную, затем тату салон, после – пекарню... Однако ни одна из новомодных затей не прижилась среди угрюмых панельных брежневок. Всё кончилось тем, что известный бутовский воротила решил приобрести это нелепое, похожее на коробку из-под обуви, здание, снести к чертям и организовать платную парковку. Вячеслав не позволил это-

му случиться. Слишком мало осталось у него светлых воспоминаний, а после смерти Машеньки и стремительной деградации Лины, он дорожил каждым из них, точно бриллиантом. Нестеренко выкупил бункерообразное строение и сдал его в аренду типу, по прозвищу Цыган.

Теперь под плоской крышей красовались гигантские неоновые цифры: "Двадцать на сорок" (20/40). Что это значило, Вячеслав не имел ни малейшего понятия. Главное, Цыган платил вовремя, а уж как он назвал свою забегаловку, дело десятое.

От уютного семейного кафе давно не осталось и следа. Там, где когда-то стояли аккуратные круглые столики, тянулась длинная барная стойка. В углу зала помещалось некое подобие сцены, путь к которой преграждала пара бильярдных столов.

Вячеслав взгромоздился на высоченный стул и уронил голову на руки. Валеру он отпустил: хотелось побыть одному. Совсем. Ну... или почти.

– Как обычно? – прогудело над ухом, и Нестеренко устало поднял глаза.

Марина...

Молодая барменша механически протирала пивные кружки и улыбалась. Вячеслав на миг прилип к ней взглядом. До чего чудная! Не передать. Всего в ней немного чересчур. Здоровенные, пугающе белые зубы, кроваво-красные губы, громкий голос... И ещё она всё время улыбается.

Всё время...

Наверное, просто зубы во рту не умещаются.

Широкие скулы, раскосые чёрные глаза и смоляные волосы барменши кричали о монголо-татарских корнях, но сама Марина ловко мимикрировала под латиноамериканку. Даже на бейджике вместо настоящего имени красовалось прозвище – Морена, что значило брюнетка. Псевдоним пристал к девушке на редкость крепко, не оторвать.

– Да, как всегда.

Морена организовала ему коньяк. Бутылку убирать не стала: проработав у Цыгана чуть больше года, она на зубок выучила привычки постоянных клиентов. Нестеренко хмыкнул и опрокинул стопку. Брюнетка тут же наполнила рюмку снова.

– Тяжёлый день? – Морена уткнулась локтями в стойку, подпёрла рукой подбородок и игриво надула гигантские губы. Губы у неё, кстати, были свои, природные, а не накаченные кислотой.

– Не то слово. – Очередная рюмка опустела. Слава уважал хороший коньяк и ненавидел водку.

– Расскажешь?

Нестеренко хмыкнул. Первые пару месяцев Морена звала его только по имени отчеству и обращалась исключительно на "вы". Это ввергало в уныние, и Вячеслав ультимативным решением отменил "выканье" раз и навсегда. Хватало того, что на работе он с утра до ночи для всех – Вячеслав Игоревич

– суровый босс и властный тиран с сердцем из камня.

Отчего-то очень хотелось, чтобы эта зубастая, губастая, вечно улыбающаяся дивчина говорила с ним на равных. Так, словно они давние приятели.

Это грело сердце. Особенно в такие дни, как этот.

– Сначала ты.

Морена просияла и прижала ладошки к груди.

– Ты не забыл!

– Конечно, не забыл. – Вячеслав ухмыльнулся и проследил взглядом за парочкой припозднившихся посетителей. Парень и девушка заняли столик ближе к сцене. – Ты к этой конференции целый месяц готовилась. Ну и как оно? Как доклад? Удался?

– Удался на славу! – Морена оскалила лошадиные зубы в крышесносной улыбке. – Мне задал вопрос сам профессор Левашов! И я ответила, представляешь? А ещё там был Борисов, бывший прокурор, и он...

Барменша трещала без умолку, а Вячеслав слушал и кивал. Вот она – панацея от всех бед и печалей: порадоваться за успехи чудаковатой татарки. Да уж, молодец, зубастая. Всё успевает. Учится в магистратуре, работает, занимается спортом, поёт... А ведь она – круглая сирота. Нестеренко помнил, мать Марина похоронила четыре года назад, а отца ни разу не видела. Об этом брюнетка поведала ему на четвёртый месяц знакомства. В ту ночь он приказал ей пить вместе с ним, а когда Морена заупрямилась – пригрозил увольнением.

Как жаль, что нельзя пригрозить увольнением собственной дочери!

Ещё четверо ребят – два парня и две девушки – зашли в бар и, смеясь, принялись выбирать место дислокации. Постоянные посетители: Нестеренко видел их здесь не раз и не два.

"На выступление собрались", – сообразил он и протянул зубастой барменше свёрток. Тот самый, что захватил из дома.

– Держи, это тебе.

– Мне? – брюнетка принялась срывать нарядную обёртку.

– Но...

Морена взвизгнула и подпрыгнула. Чёрные глаза засияли. Лошадиная улыбка стала ещё шире.

– Да это же Ивенсон! – Она вцепилась в книгу, как Гарри Поттер в волшебную палочку. – Сам Ивенсон! С ума сойти! Его же не достать! Это же...

– Самая редкая монография об объективном характере юридической ответственности, – закончил за неё Слава. Он не смог сдержать искренней улыбки.

Вот ведь радость! Книжку подарил.

Жалко, что не красная...

– Спасибо! Спасибо!! Спасибо!!! – Морена сжала книгу в объятиях и тут же спросила:

– Останешься на вступление?

– Конечно, – кивнул Вячеслав и с удовлетворением отме-

тил, как Морена бережно спрятала книгу в необъятные недра мешковатой сумки. – Ты меня домой добросишь, а то я Валеру отпустил?

– Не вопрос, – подмигнула брюнетка.

Когда Слава впервые увидел выступление Морены, жутко удивился: девчонка пела на испанском так уверенно, будто разговаривала на нём с рождения. Для таких вот номеров и придумала она, видать, свою латиноамериканскую легенду.

Мексиканка из Астаны...

Цыган ей дорожил: попастая голосистая Морена обеспечивала стабильную явку поклонников хастла, которых в спальном районе столицы оказалось на удивление много.

Разновозрастные пары тянулись в «Двадцать на сорок» и, когда на город опускалась ночь, устраивали зажигательные танцы под раскаты низкого грудного голоса псевдомексиканки.

Морена пела так, что, должно быть, в правлении слышали.

Сегодня для выхода на сцену она нарядилась в обтягивающие чёрные лосины, высокие сапожки, короткий, расшитый блестяшками, топ, а волосы убрала под чёрно-золотую фуражку. Фуражка эта придавала Морене лихой и забавный вид и отлично смотрелась в сочетании с гигантскими серьгами-обручами.

Вячеслав не понимал ни слова, но сердце билось в такт с горячим ритмом. Морена откровенно ловила кайф от ис-

полняемых песен, и кайф этот передавался всем гостям забегаловки. Парни и девушки, мужчины и женщины, сухопарые дедульки и седые бабушки – все танцевали, подпевали и хлопали. Бар наполнился удивительной атмосферой праздника, всё стало светлее, ярче, сочнее... и Вячеславу, наконец, полегчало: горькие думы ушли на задний план. Нестеренко знал, что это временно, но... Хоть так.

– Ми корасон канта, – орала Морена в микрофон, и стекла в окнах угрожающе дрожали. – Биди биди бом-бом!

Дредастого парня, что играл на ударных, звали Никитой, и он давал жару так, что даже мёртвый бы ринулся в пляс. Гитаристка, одетая точь-в-точь, как Морена, добавляла градуса звонким бэк-вокалом. Довольный Цыган стоял за синтезатором и лыбился, демонстрируя золотые зубы.

Холодная серая ночь взорвалась многоцветием красок. «Двадцать на сорок» чудесным образом перенёсся из спального района Москвы на мексиканское побережье...

ГЛАВА 2

Морена ездила на Ниве.

Трёхдверной лупоглазой Ниве, выкрашенной в ядовито-оранжевый цвет.

«Моя мандаринка», – называла она машину.

Автомобиль явно дышал на ладан, коррозия ползла по порогам, масло текло, а коробка то и дело заедала. Но главную функцию «Мандаринка» выполняла исправно: перемещала сочную Маринину задницу из точки А в точку Б.

Запустилась Нива не сразу: Вячеслав успел выкурить сигарету, наблюдая за ухищрениями черноволосой барменши. Самое интересное, что он мог легко вызвонить Валеру, или, на худой конец, тупо заказать такси. Но нет, Слава терпеливо ждал, когда Морена раскочегарит свой рыжий олдсмобиль.

Жалко, что не красный...

Нестеренко небрежно привалился плечом к обшарпанной стене клуба и задумчиво глянул на псевдомексиканку.

Вот ведь...

Никак не связанная с рутинными рабочими моментами и дрызгами его многострадальной семейной жизни, Морена стала для Славы отдушиной. Возможностью побыть самим собой. При этом, Нестеренко никогда не рассматривал её как потенциальную любовницу. Во-первых, барменша со-

всем ещё ребёнок, не старше его собственной дочери, во-вторых, она похожа на лошадь.

Совсем не его тип.

Вячеславу нравились хрупкие феи, нежные и воздушные, какой была его Машенька. Морену же хрупкой никак не назвать: ляжки, грудь, задница – всё весьма выдающееся, хватательное такое, а уж эта её фирменная чеширская улыбка в сочетании с кроваво-красными губищами...

Туши свет!

Да ещё зычный грудной голосяра... В общем, ни разу не фея.

Однако Славе очень нравилось общение с этой чудачкой. Нравилось настолько, что он даже всерьёз начал верить в дружбу между мужчиной и женщиной.

Морена всегда держалась с завидным достоинством и тактом. Рядом с ней он чувствовал себя человеком, а не кредиткой на ножках. Она не напускала на себя флёр роковой соблазнительницы, не жаловалась на жизнь, пытаясь выманить деньги из его кармана, не выпрашивала Вячеслава о семье и работе... но и от щедрых чаевых никогда не отказывалась, что, по его мнению, было вполне себе честно и правильно.

– Поехали! – скомандовала барменша, когда Нива, чихнув, наконец запустилась, и Слава запрыгнул на пассажирское сиденье. Щёлкнул ремнем безопасности: когда за рулём такое зубастое чудо, лучше пристёгиваться. А то мало ли...

– Ты сегодня зажгла, – похвалил Нестеренко, когда они

вырулили из проулка.

Морена оскалилась улыбкой.

– Муча грасиас.

– Где освоила испанский? – Этот вопрос уже давно не давал Славе покоя.

– Смотрела в детстве сериал Дикий Ангел и влюбилась.

– Морена рывком переключила скорость. Мандаринку дёрнуло.

– В кого?

– В музыку, – бесхитростно ответила девушка. – В язык, в культуру. Так бывает...

Она прибавила скорость. Залитая лунным светом трасса вилялась блестящей тёмной лентой.

Печка трещала, мотор кашлял. Барменша врубила магнитола, и хриплые колонки разразилась зажигательными латиноамериканскими ритмами. Стало горячо. Даже жарко, словно за окном не хмурая осень, а развесёлый бродяга-июль.

Водила Морена дерзко, совсем не по-женски. Нива лихо вписалась в поворот, и едва не протаранила нарядный Солярис. Подрезанная иномарка разъярёно гуднула, а сидящий за рулём яппи опустил стекло и выдал ёмкую матерную тираду, из которой чётко удалось различить только финальное «ЗДА», и сопроводил слова выразительным жестом.

– Простите! – крикнула барменша в приоткрытое окно. – Я сегодня первый день!

Сердитый яппи снова назвал её здой, а Морена послала ему воздушный поцелуй.

Вячеслав расхохотался. Ну и девчонка! Пятьдесят кило сплошного позитива. А позитив ему сейчас не помешает: денёк выдался тяжёлый. Да и бутылка Реми Мартина, которую он уговорил почти полностью, бесследно не прошла – голова плыла, глаза слипались.

«Хорошо бы так ехать всё время, без остановки», – грустно подумал Нестеренко, подмигнув летящему за машиной круторогому Месяцу.

Ехать, смеяться от души, слушать музыку и ни о чём не думать. Ни о чём... Без всяких тебе ссор, скандалов. Без всего этого проклятущего негатива...

– Хочу, чтоб ты сдох! – Глаза Ангелины казались совершенно безумными. – Ненавижу тебя! Ненавижу!

Каждое слово дочери кинжалом вонзалось в сердце. Было больно. Очень.

Одна радость, Машенька не дожила. Не увидела, во что превратилась её маленькая принцесса...

Вячеслав тупо наблюдал, как санитары выкручивают Лине руки.

– Вы уверены, что без этого нельзя? – шепнул он доктору Тихомировой.

Любовь Петровна Тихомирова, ведущий врач частной наркологической клиники, поправила роговые очки и взгля-

нула на Славу с высоты своего полутораметрового росточка.

– Мне очень жаль, Вячеслав Игоревич, но мы должны действовать бескомпромиссно. Ангелине необходима срочная госпитализация. Пребывание дома дало совсем не тот результат, на который мы рассчитывали. Кстати, что вы надумали насчет ограничения её дееспособности?

– С-сука! – рывкнула Лина и кинулась на доктора разъярённой фурией, но сделать ничего не успела: санитары снова скрутили её и поволокли вниз по широкой мраморной лестнице. – Шалава! Тварь!

– Я... – Вячеслав кашлянул, провожая дочь взглядом. – Вопрос в стадии решения.

– Не затягивайте, – строго сказала Любовь Петровна и протянула пузатую папку. – Вот. Здесь все необходимые документы. Ознакомьтесь и подпишите, где отмечено галочкой.

– Спасибо доктор, – угрюмо буркнул Нестеренко. – Когда я смогу её навестить?

– Через пару недель, – отозвалась Тихомирова. – Не раньше.

– Понятно.

– Позвольте дать вам совет, Вячеслав Игоревич.

Вячеслав позволил. Он уважал докторшу-коротышку за твердокаменный характер и знание своего дела.

– Проведите эти две недели с пользой, – Любовь Петровна сделала особый акцент на последнем слове. – Отдохните,

переключитесь, смените обстановку. Болезнь дочери для вас – суровое испытание, но... надо же где-то черпать силы для дальнейшей борьбы.

– Для борьбы... – эхом повторил Слава.

– Да, – кивнула Тихомирова. – Мы вместе будем бороться за Лину.

– Вячеслав Игоревич, вот показатели за последний месяц. – Элла, блондинка модельной внешности, изящно наклонилась и принялась сортировать стопки бумаг. – Здесь данные по тендеру, графики продаж, результаты мониторинга, договоры с поставщиками, запросы на...

– Артур звонил? – Перебил Нестеренко. Он сидел, закрыв глаза, и тёр висок. Боль пульсировала так, что страшно было шевельнуться. Да уж! Бессонная ночь в сорок – совсем не то, что в двадцать.

– Габриэлян? – Эллочка взмахнула накладными ресницами, как бабочка крыльями.

– А ты другого знаешь?

– Нет, – проямлила блондинка. – То есть да, то есть...

– Ты нормально ответить можешь вообще? – Вячеслав сейчас миллион заплатил бы за возможность покемарить в тишине. Мечты, мечты... Но не до сна нынче – на носу сделка века. – Звонил он?

– Звонил... – сокрушённо выдавила Элла.

У Нестеренко даже голова прошла. Он привстал с кожа-

ного кресла и упёрся кулаками в стол.

Блондиночка хорошо знала эту его повадку, поэтому нервно сглотнула и попятилась к двери.

– Элла, бл@#ть! – зарычал он, подавшись вперёд. – Какого х#@я? Ты мне сделку сорвать решила? Я ж тебе сто раз сказал – если позвонит, сразу сообщи. Что тут непонятного? У тебя, ёб твою мать, два высших образования, а ты, манда иванна, двух слов запомнить не в состоянии! Дипломы папа купил, а думать не купил?

– Иван Львович сказал, тот разговор не к спеху... – пролепетала несчастная, давась слезами.

– Иван Львович? – взревел Слава. С Ванькой, прозванным Глазом из-за фамилии, они дружили ещё со школы. Глазунов занимал пост зама десять долгих лет и в последнее время периодически терял края, что бесило не по-детски. – Тебя на работу Иван Львович брал? Тебе зарплату Иван Львович платит? Дура!

– П-простите В-вячеславИ-игоревич, – запиналась рыдающая девушка.

– Не прощу! – Нестеренко взглядом превратил секретаршу в соляной столб. – Через полчаса Габриэлян должен быть на связи. Не сумеешь организовать – завтра на работу можешь не приходить.

– Но...

– Пшла вон! – гаркнул он, и девушка убежала, звонко цоккая каблуками.

Слава знал, что она справится – Эллочка далеко не глупа, трудолюбива и ответственна. Только вот... без пинков, как без пряников. А Глаза надо бы придушить за такие выкрутасы.

Ишь ты! Разговор не к спеху!

Знаток херов.

Боль снова впилась в виски, и Слава застонал. Он выпил аспирин час назад, но таблетка не желала действовать. Солнечный свет резал глаза, любой звук раздражал, галстук душил, а минуты текли медленно, будто смола по стволу сосны.

Да уж, старость, как говорится, не в радость.

Хотя... где-то он определённо слышал, что в сорок жизнь только начинается. Врут, наверное. Ему вот сорок один, а сдохнуть хочется с завидной регулярностью.

Когда селектор задребезжал, Нестеренко лениво приоткрыл правый глаз и ткнул пальцем кнопку.

– Да?

– Артур Далилович на связи, – всхлипнула зарёванная Эллочка. – Соединяю.

Загорелая, белозубая, сытая и до неприличия довольная жизнью физиономия Артура Габриэляна маячила на фоне пронзительно-синего неба. Старый курд был баснословно богат, эксцентричен и мог позволить себе любую блажь, однако оставался ярым приверженцем традиционной морали. Семья значила для него куда больше бизнеса, и сейчас старикан грел телеса на берегу Карибского моря, где в одном из

принадлежащих ему отелей организовывал свадьбу племянника.

– Ва-а-а-а! – добродушно протянул потенциальный инвестор. – Слава-джан, друг! Как живёшь?

– Живу не тужу, – Нестеренко выдавил улыбку и ослабил галстук. – Вижу, праздник полным ходом? Не до бизнеса?

– Дела подождут, семья ждать не может! – старый курд воздел к небу узловатый палец. – Дети – наше будущее!

Боже, сколько пафоса!

– Разумеется, – кивнул Слава, вспоминая проклятия дочери. Вчера, а точнее сегодня в четыре утра, он хотел обнять Лину на прощание, но она смачно харкнула ему в лицо. – Надежда и опора.

– Вот ты меня понимаешь, – Артур расплылся в улыбке. – Ваню сказал, ты сам отец.

– Всё так, – кивнул Слава.

Сука, Глаз! Вот ведь сука!

Пора Ивашку на место ставить, а то обурел в конец. Личную жизнь шефа с инвесторами обсуждает, п@#\$ас.

– Ваню сказал, дочка у тебя – красавица. Умница.

От фальшивой улыбки лицо свело судорогой.

Ну, Глаз, ну удружил, сука!

– Отцовская гордость, – выцедил Нестеренко, представляя, как душит Ивана Львовича ремнём, – высшая радость.

– К чему тогда сложности, друг мой Слава-джан? – Габриэлян всплеснул руками. – Раз не терпится тебе заключить

эту сделку, приглашаю вас с дочерью на свадьбу моего дорогого Нувера.

– Но... – начал было Нестеренко. Он придумал сотню отмазок, но договорить ему не дали.

– Отказом оскорбишь и из друга врагом станешь! – Кустистые курдские брови сошлись над переносицей. – Жду к пятнице. Всего вам!

Габриэлян отключился. Вот так просто взял и отключился!

– Сука! – Слава жажнул по столу кулаком. Органайзер подпрыгнул, часть бумаг полетела на пол.

– Элла! – проревел он, нажав кнопку вызова.

– Д-да, В-вячеслав Игоревич. – Секретарша утратила грациозность. В кабинет она не вошла, а ввалилась. Её трясло, как зайца.

Ох, не надо было бабу брать на эту должность! Тупые стереотипы.

– Глазунова ко мне, – глухо приказал он. – Быстро.

Элочка побелела. Пухлые розовые губки задрожали.

– И-и-и-и... – выдавила она. – И-и-и-и...

– Я тебя сейчас живьём съем, – мягко сказал Нестеренко. Угроза подействовала незамедлительно: блондинка обрела-таки дар речи.

– И-ивана Львовича нет на месте, – пропищала девушка. – Он на обед уехал.

– Звони.

– Звонила. – Вид у Элочки был в крайней степени несчастный. – Абонент не... абонент.

Слава поднялся, едва не опрокинув кресло. Сорвал с подлокотника плащ.

– Когда вернётся, скажи, что ему п%#зд@.

– Что... так и сказать? – Голубые глаза секретарши стали похожи на блюда.

«Вот ведь чёрт! И это человек с двумя высшими образованиями!», – угрюмо подумал Слава и у самой двери обернулся.

– Можешь приукрасить, – сказал он беззлобно, но твёрдо.
– Слегка.

ГЛАВА 3

Иван Львович Глазунов действительно обедал. Но не один. В ресторане «Медовый» компанию ему составлял представитель холдинга Голиаф – господин Новиковский.

Господин Новиковский заказал стейк с кровью и с аппетитом жевал сочное мясо. Иван Львович внимательно смотрел на него ипил горький, порядком остывший кофе.

– Ну? – Господин Новиковский отрезал очередной кусочек и отправил в рот. Губы его мерзко лоснились от жира. На толстом мизинце поблёскивал перстень. – Какие могут быть гарантии? Как вы сорвёте сделку накануне подписания? Все попытки опрокинуть Нестеренко в глазах Габриэляна будут выглядеть нелепо и пошло. Особенно сейчас, когда момент, откровенно говоря, окончательно упущен. Раньше надо было... брыкаться.

Он запил мясо минералкой и крикнул.

– Ничего подобного. – Иван Львович вытащил из кармана пачку сигарет, но вовремя вспомнил, что в «Медовом» нельзя курить. – Сейчас как раз самое время взбрыкнуть. И у меня имеется пара любопытных идей.

– Нестеренко опасен своей чистоплотностью, – изрёк господин Новиковский и промокнул жирные губы салфеткой. – Дела в порядке, с властями никаких проблем, порочащих

связей не имеет. Женщин нет, к мальчикам равнодушен. Он даже в баню исключительно на деловые встречи ходит. И как, интересно, вы собираетесь подмочить его репутацию?

– Говорю вам, процесс уже запущен. – Глазунов допил кофе одним глотком. – И вариант совершенно беспроектный. Очень скоро Артур Габриэлян основательно пересмотрит своё отношение к Нестеренко.

– Хорошо, если так. – Господин Новиковский жестом позвал официанта и потребовал счёт. – Вы, насколько я помню, хотите возглавить наш европейский филиал?

– Совершенно верно.

– Думаю, это возможно. – Представитель Голиафа расплатился картой, но чаевые оставил наличными. Полсотни евро. – Главное – любой ценой сорвите сделку.

Иван Львович коротко кивнул.

– Кстати... – Любитель стейков ухватил изящную солонку толстыми пальцами-сардельками и задумчиво уставился на неё. – Чем же это господин Нестеренко вам так насолил, что вы готовы сдать его с потрохами?

– Ничего личного, – Глазунов дёрнул краешком губ. – Просто бизнес.

«Жду к пятнице»...

Слова Артура звенели в голове набатом.

К пятнице...

Это значит, вылететь надо через три дня. И за три дня на-

до родить и вырастить идеальную дочку. Умницу. Красавицу. Спортсменку.

Твою же мать! Ну, ты, Глаз, удружил!

Вячеслав летел по городу на гигантском внедорожнике и судорожно думал. Идеи приходили к нему муторные и совершенно идиотские. Одна хуже другой.

Соврать Артуру, что Ангелина уехала в Лондон? Обидится. Не поверит. Или, того хуже, предложит сгонять за ней на туманный Альбион. С него станется...

Признаться, что дочь лечится от зависимости? Тогда можно смело сказать сделке века прости-прощай. Габриэлян ни за что не станет связываться с отцом наркоманки, такой уж он человек.

Нанять девушку из эскорта? Можно. Но сумеет ли покупающая красотка убедительно сыграть его дочь, если на подготовку у них всего три дня плюс перелёт?

Хороший, кстати, вариант. Надо проработать.

Хороший вариант был отмечён после первого же «прослушивания».

Длинноногая шатенка из дорогущего агентства эскорт-услуг подплыла к Вячеславу, соблазнительно качая бёдрами, уселась на колени и, схватив за галстук, горячо прошептала на ухо:

– Привет, папуля. Хочешь отшлёпать меня по попке?

Ладонь красавицы при этом оказалась у Славы в штанах.

Проклятье!

Не такой эскорт ему сейчас нужен, ох, не такой!

– Да чтоб вас всех разворотило! – выругался он, скинул с себя шатенку и уже через четверть часа припарковал гелик в глухом спальном районе близ нелепого плоского здания.

Вечер только-только вступал в свои права и "Двадцать на сорок пустовал". Лишь два молодых паренька азартно резались в пул да потягивали светлое пиво.

Морена, чуть пританцовывая, мурчала себе под нос и протирала кружки, когда он рухнул на стул и обхватил голову руками.

– Как обычно? – спросила она и, так и не дождавшись ответа, поставила перед ним рюмку. – Тяжёлый день?

Слава поднял голову и вздрогнул от её фирменной улыбки в тридцать два зуба.

– Просто жопа.

– Содержательная характеристика. – Барменша наполнила стопку коньяком. – Расскажешь?

Нестеренко вздохнул, опрокинул в себя рюмку и скривил губы.

– Сначала ты.

Морена подмигнула, принимая игру. Почти каждый их разговор начинался по такой схеме.

– Мандаринка сломалась, – грустно изрекла брюнетка. – Совсем. Повезу вот в среду на диагностику, если Цыган отпустит.

– Отпустит, – пообещал Вячеслав, и девушка просияла. –

Выпей со мной.

– Не могу, прости. – Красные губы обиженно надулись. – Я сегодня...

– Выпей, Морена. – Слава включил тон, не допускающий возражений.

Казахская мексиканка залипла и смерила его долгим пристальным взглядом.

Зондирует?

Мгновение спустя барменша, не говоря ни слова, водрузила на стол вторую рюмку. Плеснула коньяку.

– Будем, – скомандовал Слава.

– За здоровье, – подхватила Морена.

Нестеренко давно заметил, что пить она умеет. Знает меру, соображает, когда надо сделать паузу. Не зря, видать, за стойкой подрабатывает.

Мда... Такую кобылку спить непросто.

Интересно, кто-нибудь хоть раз пытался?

– А у тебя парень есть? – спросил он неожиданно в первую очередь для себя самого.

– А ты посвататься собрался? – белозубая улыбка затмила мерцание висящего под потолком диско-шара.

– Староват я уже, к тебе свататься, – хмыкнул Вячеслав и зачерпнул из стоящей перед ним вазочки горсть солёного арахиса. – Я ж тебе в отцы гожусь!

Гожусь... В отцы...

Озарение обрушилось так неожиданно, что Слава на се-

кунду оглох. Он видел, как шевелятся кроваво-красные губы его собеседницы, но не слышал ни слова.

Едрит твою мать! Святые небеса... Да вот же оно, решение! Прямо перед носом!

Нестеренко выпил ещё, а потом ещё. Идея обрела более чёткие, выпуклые формы. Теперь он точно знал, что говорить, и как.

– Я хочу предложить тебе сделку, Морена, – заявил он без обиняков.

– Нет! – выпалила девушка, насупилась и принялась с остервенением тереть столешницу тряпкой.

– Что значит, «нет»?

– «Нет» значит «нет», – фыркнула барменша. – Спать за деньги я даже с тобой не стану! Думаешь, раз богатеи – всё можно? Тоже мне!

– Спать? – Слава заморгал. От ударной дозы спиртного, выпитого на голодный желудок, голова пошла кругом. – Не прошу я тебя со мной спать! И не собирался даже. Я... о другом.

– О чём же? – Девушка подалась вперёд и вперилась в него угольным взглядом.

– Побудь моей дочерью, – глухо прохрипел он, понизив голос.

– Чего?

– Побудь. Моей. Дочерью, – повторил Вячеслав, ощущая, как растёт в душе решимость.

Сомнений нет: Морена – идеальный вариант. Умная, спортивная, дерзкая – палец в рот не клади. Знает испанский, на английском свободно изъясняется. Легко сходится с людьми. Лицом не вышла, зато жопа у неё – глаз не ответи. И сиськи шикарные. К тому же, она своя в доску. Не подведёт.

И лишний раз болтать не станет...

– Мне срочно требуется дочь, иначе сорвётся сделка, к которой я шёл много лет.

Нестеренко схватил со стола салфетку и вытащил из внутреннего кармана серебристый паркер. Написал цифры.

– Вот. – Он пододвинул «прайс» брюнетке. – Столько ты получишь, если согласишься.

Барменша нахмурилась, и Вячеслав добавил:

– Если сделка пройдет успешно, сумма увеличится вдвое.

Морена колебалась, морща лоб и покусывая пухлую губу. Слава понял, что нужен последний аргумент. Эдакий *Ultima ratio**, который не оставит в душе псевдомексиканки никаких сомнений.

– Вне зависимости от результата, я гарантирую тебе место ведущего специалиста в нашем юридическом отделе.

Он заметил, как изменилось выражение миндалевидных глаз.

Зацепил!

Какие перспективы открывались перед сиротой-провинциалкой в Москве, будь она хоть семи пядей во лбу?

Никаких.

После выпуска Морена, как сотни других таких же молодых амбициозных дурочек, обречена околачивать пороги инстанций и выслушивать снова и снова заветную фразу: «Нам нужен двадцатипятилетний сотрудник с тридцатилетним опытом работы».

Без связей и протекций в Столице карьеру не построить, и девчонка, безусловно, прекрасно это понимает.

Поэтому и застыла, пялясь в пустоту.

– Главного, – неожиданно выпалила она и вскинула голову. Впервые Морена не улыбалась, а смотрела серьёзно. По-деловому. По-взрослому. – Главного специалиста, а не ведущего. Плюс полный соцпакет. И чтобы никакого испытательного срока!

«А девчушка-то не промах», – подумал Вячеслав и, вполне довольный собой, протянул пятерню:

– По рукам.

1. *Ultima ratio* – последний решающий аргумент.

ГЛАВА 4

– А что я, по-твоему, должен был ему сказать? – Глаз покраснелся, как помидор. На лбу блестели капельки пота. – Что твоя наркоманка-дочь по психушкам гастролирует?

– Ты должен был язык свой сраный в жопу засунуть и промолчать, – спокойно изрёк Вячеслав. Однако если б он умел жечь людей взглядом, от Ивана Львовича давно бы осталась горстка пепла. – Просто, чёрт побери, промолчать!

– Послушай, Слав, я тебе уже сто раз сказал: Артур сам эту тему поднял. – Глазунов промокнул залысину бумажным платочком. – Я действовал по ситуации.

– А не сообщать мне о звонке потенциального инвестора ты тоже по ситуации решил?

– Ну, извини. – Заместитель дёрнул плечом. – Накосячил слегка. С кем не бывает!

– За твой косяк Эллочка по полной программе огребла. – Нестеренко откинулся на спинку кожаного кресла и сцепил пальцы в замок. – Перед ней теперь и извиняйся.

Глаз поднялся. Развернулся и зашагал к выходу.

– Ваня, – окликнул Вячеслав, и зам обернулся. На выбритых до синевы скулах ходили желваки. – Если б я тебя с песочницы не знал, решил бы, что ты хочешь меня поиметь.

– Ты не в моём вкусе, – Иван Львович скривил тонкие

губы в фальшивой улыбке и вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Вячеслав Игоревич устало закрыл глаза.

Как вот теперь доверять Ивану?

Что это? Глупый просчёт? Элементарный косяк из серии "с кем не бывает", или всё-таки злонамеренная пакость?

Нестеренко шумно выдохнул.

Как ни крути, Ангелина – его самое уязвимое место, и никто, кроме Глазунова, об этом не знает. Никто.

Проклятье!

Ну что за идиотская паранойя? Ванька же – друг. Они же в детстве в казаки-разбойники вместе играли, на великах гоняли, девчонок клеили и уроки прогуливали. Неужели и ему, Глазу, верить нельзя?

Сучий потрох!

– Вячеслав Игоревич к вам пришли, – пропела Эллочка елеинным голосом. Похоже, Иван таки успел извиниться. – Барышня по личному вопросу.

– Ей назначено?

– Д-да... – как-то не слишком уверенно отозвалась секретарша.

Манда Иванна с двумя высшими...

Эх! Плюнуть бы на тупые стереотипы и взять на должность секретаря парня! Нормального ровного парня, желательно, в армии отслужившего. Такого, чтоб без истерик, слёз, обид, никчёмной рефлексии и прочих пмс... Но ведь

сразу же пидо*#@#м окрестят!

– Запускай, – выдохнул Слава и снова откинулся на спинку.

И кого там чёрт принёс?

Чёрт принёс сочную смуглянку в кипенно-белой блузке, узкой алой юбке и красных туфлях. Смоляные волосы были забраны в пучок, в ушах плясали гранатовые серьги, а в глазах – бесенята.

Ушла секунда, чтобы распознать в незнакомке Морену. И в течение этой бесконечно долгой секунды Вячеслав увидел слишком много. Он заметил, что верхняя пуговица белоснежной блузы опасно расстёгнута, а юбка обтягивает аппетитный зад плотно, как перчатка руку.

"Интересно, на ней колготки, или всё-таки чулки?" – подумал он и тут же, от греха подальше, напустил на себя строгий вид.

– Что ещё ты купила?

– Всё, что заказывал. – Барменша без приглашения уселась на присутственный стул и закинула ногу на ногу. Грациозно, естественно и невероятно сексуально.

Нестеренко сглотнул, а она улыбнулась.

Неужели запеленговала неуместную эмоцию, мелькнувшую на его лице?

– Ничего не забыла?

– Нет. – Снова улыбка. – Вот чек.

Вячеслава передёрнуло.

Эко она извратила его вопрос!

О предоставлении чеков они речь не вели – мерзко это и как-то неправильно совсем. Но, похоже, псевдомексиканка решила, что обязана отчитываться о каждой потраченной копейке. Чек приволокла...

Хорошо хоть не товарный!

– Чудно. – Нестеренко сжал чек в кулаке и бросил в корзину для бумаг.

– Хей! – Морена округлила раскосые глаза. – А если вдруг что-то не подойдёт? Я же вернуть не смогу!

– Если что-то не подойдёт, – Слава поднялся и потянулся, хрустнув костями, – купим новое. А теперь поехали, прокачимся.

Она беспрестанно бубнила что-то себе под нос. Бубнила и бубнила. А иной раз зажмуривалась и принималась мычать.

– Чего ты бормочешь? – Не выдержал Слава.

Они мариновались в пробке уже четверть часа: увы, но даже самый крутой гелик летать не способен.

Барменша не среагировала. Глаза её смотрели в пустоту, а губы шевелились.

– Чего бормочешь, говорю?

Морена вздрогнула и выдернула наушник.

– А?

– Гранату на! – Нестеренко сморщился: внедорожник преодолел пару ярдов и снова встал. Опять, похоже, надолго.

Чёртовы пробки! – Бормочешь чего?

– А-а-а, – протянула брюнетка и продемонстрировала фирменную улыбку во всей зубоскальной красе. – Песню учу. Мы с Никитоном хотим её послезавтра забачать, вот и зубрю текст.

– А ну-ка, – скомандовал Слава, и Морена, выдернув наушники, подключила гаджет к аукусу.

Музыка заполнила салон полутонами: аппаратура в гелике совсем не то, что в Мандаринке.

Нежный голос, мелодия, цепляющая душу, непонятные слова...

Хорошо хоть, певицу удалось угадать сразу. Нестеренко не сомневался, что слышит Джей Ло 1.

– Ну как? – Барменша глянула так, словно её действительно интересовало его мнение.

– Ничего, – кивнул Слава, урывая возможность продвинуться вперёд ещё на полтора метра. – А о чём поет?

– О любви, – вздохнула Морена и, уютно устроившись на сиденье, смежила веки. – О чём же ещё можно так петь? 2.

Действительно, о чём?

Вячеслав ухмыльнулся. После светофора пробка постепенно рассосалась, и внедорожник вырвался из плена. Это было весьма кстати: есть хотелось нереально. Да и дела обсудить не помешало бы.

В зеркале заднего вида мелькнула серебристо-серая Королла. Таких тойот в Москве – хоть жопой жуё, однако по-

чему-то именно эта показалась смутно знакомой.

"Ключевое слово здесь – "показалось"", – одёрнул Нестеренко сам себя и крепче сжал руль.

Это всё нервы. Нервы, усталость, недосып, нелепое поведение Глаза, несвоевременное приглашение Артура, госпитализация Лины... Всё вместе.

Паранойя. Всё это проклятая паранойя, только и всего.

– Вон там свободное место! – вскрикнула Морена, когда они подъехали к пафосному мажорскому общепиту. Слава молча покосился на спутницу и свернул к платной парковке.

Барменша хмурила брови и морщила лоб, уткнувшись в меню.

Вячеслав заказал себе мартини и внимательно наблюдал за спутницей. Правильно ли он поступил? Оправдан ли риск? Можно ли в полной мере доверять голосистой казашке?

– Я буду краба, – сказал брюнетка, всё ещё пялясь в меню. – Я их не ела никогда. А ещё шоколадный фонтан.

– Фондан, – машинально поправил Слава и подмигнул официанту. Тот понимающе кивнул. – А что будешь пить?

– Чай с лимоном и без сахара, – Морена сопровождала заказ улыбкой. – Пожалуйста.

Оспаривать выбор барменши Нестеренко не стал.

Псевдомексиканка частенько вела себя странно, но это скорее удивляло, чем бесило.

Почему она не заказала самый дорогой коктейль и не выбрала самое экзотическое блюдо?

Зачем притащила ему чек и порывалась вернуть карту, которую он выделил ей на покупку всего необходимого в дорогу?

Чудная...

Другая на её месте бы...

Стоп!

В том-то всё и дело. Другая ему не нужна. Совсем.

Пусть охотницы за богатым папиком идут лесом: не до них сейчас.

С Мореной у него особые отношения. Совершенно особые. Уникальные.

Ни разу Вячеслав не видел от неё подобострастия, желания угодить, никогда она перед ним не лебезила и не робела.

Она не перед кем не робела...

Нестеренко чувствовал в ней силу. Удивительную силу. Не физическую, но духовную. Силу воли, бесстрашие, чистоту помыслов, нестигаемую и ничем не омрачённую целеустремлённость.

"Когда-то и я был таким же", – грустно подумал он, а вслух сказал:

– Ну, как краб?

– Классный краб, – отозвалась Морена. Ела она очень жадно, словно провела последнюю неделю в Бухенвальде 3 – Вкусный.

– Хорошо, если так, – кивнул Слава и поднёс к губам мар-
тини.

Барменша среагировала молниеносно. Прекратила тер-
зать краба, протянулась через стол и выхватила бокал, едва
он собрался сделать глоток.

– Э-э! С ума сошла?

– Ты за рулём, забыл? – Она пригубила присвоенный на-
питок, как ни в чём не бывало.

– Боишься, что меня оштрафуют? – Вячеслав скрестил ру-
ки на груди.

– Нет. – Ещё один глоток.

– Переживаешь за свою жизнь? – усмехнулся он. – Дума-
ешь – расшибу?

– Вовсе нет. – Морена допила мартини одним махом.

– А что же тогда?

– Да просто я почти юрист, – заявила псевдомексиканка
и закинула в рот оливку. – И не позволю нарушать закон в
моём присутствии. Никому. Даже таким богатеям, как ты.

Вот как тут сдержаться?

Слава зашелся смехом. Да так, что проходящий мимо
официант удивленно покосился на них.

– Шутишь? – спросил он, вытирая выступившие на глазах
слёзы.

– Нет, – серьёзно ответила девушка.

– И что ты предлагаешь?

Она подалась вперёд и понизила голос до зловещего ше-

пота:

– Можешь выпить мой чай.

От чая Вячеслав отказался, но попросил принести безалкогольного пива.

– Вот. – Он протянул Морене папку, когда официант во-
друзил на стол высокий потный бокал с белой пенистой шап-
кой.

– Что это? – барменша нахмурила брови.

– Моя жизнь, – просто ответил он.

– Твоя... что?

– Чтобы убедительно сыграть мою дочь, ты должна знать
обо мне больше... – Слава кашлянул. – Чуть больше, чем все
остальные.

– А-а... – отозвалась брюнетка. Она уже углубилась в изу-
чение биографических данных по самое не хочу. – Ух, ниче-
го себе! Не знала, что ты воевал.

– Удачно попал под призыв, – буркнул он. – Аккурат в
разгар первой Чеченской.

– Страшно было?

– Это к делу не относится. – В зале вдруг стало невыноси-
мо душно, и Вячеслав рывком ослабил галстук. – Материалы
надо освоить за три дня. Экзаменовывать тебя буду в самолете.
Всё ясно?

– Куда уж яснее. – Барменша прижала папку к груди. – До
дома подвезёшь?

– Ты разве не в бар?

– Сегодня не моя смена. – Она с тоской посмотрела на пустые тарелки и зевнула. – Так что я домой. Отсыпаться.

– Без проблем, – Слава оставил чаевые. Весьма щедрые. Гораздо больше, чем заслуживал нерасторопный официант. – Поехали. Подвезу, куда скажешь.

– А порулить дашь? – она лукаво вскинула бровь.

– Не наглей, – строго изрёк Нестеренко и галантно пододвинул стул, помогая ей подняться. – Скорее небо упадёт на землю, чем кто-то сядет за руль моего гелика.

1. Джей Ло – Дженнифер Лопес

2. Морена учит текст песни Como Ama Una Mujer (Так, как может любить только женщина).

Вот песня на ютубе для вдохновения: <https://www.youtube.com/watch?v=zPh1EnagpOA>

3. Бухенвальд – концлагерь, где фашисты, помимо всего прочего, морили несчастных заключённых голодом.

ГЛАВА 5

– Вот это чума! – Морена светилась от восторга, точно лампа накаливания, а Слава с трудом сдерживался, чтобы не осенить себя крестом.

Действительно, чума. Кто бы мог подумать, что где-то может оказаться страшнее, чем на войне?

Странное дело: когда барменша вела свою Мандаринку, ему было спокойно, уютно и вообще пофиг. А тут...

В пору зажмуриться и начать тараторить "Отче наш".

Ещё бы! Девчонка уговорила его мартины и глазом не моргнула, а теперь устроила ралли Париж-Дакар.

Безбашенная!

– Перестраивайся! – скомандовал он, обливаясь холодным потом. – Левый поворот. Газу!

Барменша тарацилась на дорогу взглядом безумного маньяка из известной франшизы и улыбалась, точно ксеноморф 1.

"Нам конец", – решил Вячеслав, когда брюнетка в очередной раз вознамерилась сменить полосу. Он уже приготовился к худшему, однако всё обошлось: Морена не только перестроилась, но и повернула налево на нерегулируемом перекрёстке. Причём, совершенно без жертв.

Когда внедорожник выбрался на улицу с односторонним

движением, где не предвиделось никаких опасных развязок, Нестеренко шумно выдохнул и позволил себе расслабиться.

Чуть-чуть.

– Как мне тебя называть? – неожиданно спросила барменша.

Что за глупый вопрос?

– Меня зовут Вячеслав, – отозвался Нестеренко. – И ты это прекрасно знаешь.

– Как называть тебя там, где я буду изображать твою дочь, – уточнила Морена, и Слава почувствовал себя идиотом.

Вот ведь блин! А действительно, как?

– А как ты обычно называешь собственного отца? – буркнул он, не подумав, и тут же осёкся.

Чёрт! Жаль, что слова обратно в рот не запихнёшь.

– Обычно я называю его скотиной, вонючим козлом и кобелём, который бросил маму с ребенком в животе на произвол судьбы, – спокойно сказала девушка и ни один мускул на широкоскулом лице не дрогнул. – Какой вариант тебе нравится больше?

"Паскудная сволочь", – мысленно ответил Вячеслав. – "Так зовёт меня родная дочь".

– Называй папой, – буркнул он и отвернулся.

В зеркале заднего вида мелькнула серая тень.

Что это? Королла?

Она, родимая...

Нестеренко нахмурился. Ещё на подъезде к ресторану он

запомнил номера Тойоты, и теперь сомнений не осталось: это та же самая машина.

Вот чёрт! Хвост? Серьёзно?

Слава скрипнул зубами. Японка тащится за ними от самого офиса, а значит...

Проклятье!

Кто организовал слежку? Что мог приметить соглядатай?

А вот что...

Некий крупный бизнесмен покинул рабочее место в сопровождении знойной красавицы, свозил её в дорогой ресторан, а теперь они едут...

– А куда мы едем? – хмуро глянул он на Морену, которая откровенно наслаждалась шикарным мощным немцем.

– В Отрадное.

Замечательно!

Вячеслав со свистом втянул в себя воздух.

*А теперь они едут в самые еб#*ня, подальше от любопытных глаз, чтобы как следует потрахаться в спокойной обстановке.*

Расклад, конечно, притянут за уши, но... при желании его встречу с Мореной можно так перекрутить, что репутация по швам треснет.

И сделка накроется...

Ну, уж нет!

– Пересядь-ка назад, – коротко бросил он, когда гелик замер на светофоре.

Ох, что стряслось бы, адресуй он эту просьбу Ангелине! Дочь бы наверняка пару раз переспросила и уточнила, что именно он от неё хочет, затем обрушила лавину вариаций вопроса "Что случилось", а после – психанула бы и выпрыгнула из авто прямо посреди дороги... Да ещё и дверцей шаргнула от души!

Так бы сделала Ангелина. Именно так, к гадалке не ходи...

И, где-то далеко, в глубинах подсознания, Слава с тревогой ожидал синхронной реакции от Морены.

Вот сейчас... Сейчас она скажет: "Зачем это?"...

Однако барменша наградила его странным взглядом: коротким, но пристальным. Точно так же она смотрела на него вчера в баре, когда он предложил ей выпить... Говорить псевдомексиканка ничего не стала. И терять времени – тоже.

Красный подарил им полторы минуты, и ни одной секунды они не потратили зря: с ловкостью акробата брюнетка перелезла назад, а Вячеслав уселся за руль.

Манёвр удался.

Теперь – дело техники...

Он рванул на жёлтый. Набрал скорость. Обошёл зелёный минивэн со знаком "ребёнок на борту" и пристроился аккуратно между здоровущим заказным автобусом и сонной автоледи с айфоном у уха и пустотой в глазах.

Тойота засуетилась, дёрнулась следом.

Это хорошо. Это прям отлично!

"Раскрыл ты себя с головой, парень", – ухмыльнулся

Нестеренко и ловко нырнул под знак "движение запрещено".

Проезд там был, а вот дороги – нет. Ремонт участка начался за здравие, а кончился за упокой, как часто бывает в России. Но разве способна остановить Гелендваген такая мелочь, как отсутствие дороги?

– Держись, – коротко бросил он, с удовлетворением отметив, что Морена уже переместилась вперёд на пассажирское кресло.

– Держусь, – отозвалась она, пристёгиваясь. – До перестрелки, надеюсь, не дойдёт?

– Не знаю, – сказал Слава и покосился на спутницу. – Если что – в бардачке пулемёт. Пользоваться умеешь?

Раскосые глаза округлились. Алый рот чуть приоткрылся.

– Да шучу я, – хохотнул Нестеренко, уверенно направляя машину в эпицентр бездорожья. О том, что оружие в Мерсе всё-таки имеется и преспокойно лежит себе под водительским креслом, он тактично умолчал. – Держись крепче, всё будет отлично: я же с тобой.

– Кто это? – спросила Морена. Похоже, она тоже заметила Короллу. Ну, или просто догадалась, что к чему.

– Понятия не имею, – честно признался Слава. – Но к вечеру выясню и порву, как щенка... Испугалась?

Сейчас она пошлёт его вместе с безумной затеей в игру в дочки-батьки ко всем чертям и будет права...

– Не из пугливых, – последовал ответ, и Вячеслав с трудом сдержал улыбку.

Нет, он не ошибся в выборе.

– Мы едем не в ту сторону, – заметила барменша, когда внедорожник выбрался на автостраду.

– В ту. – Нестеренко бросил короткий взгляд в зеркало заднего вида. Чисто. – Мы едем ко мне.

– К тебе? – Девушка вскинула брови. – Но...

– Так надо, – отрезал он, включая начальника, однако заметив растерянность девушки, смягчился. – Не переживай, Марин. Ужином я тебя накормлю, комнату предоставлю, а Валера сгоняет в Отрадное и привезёт твои вещи и документы.

Брюнетка сморщила лоб и закусила губу. Насупилась.

– Поживёшь у меня до отъезда, – сказал Слава. – На данный момент это лучшее решение из всех возможных.

– А как же магистратура?

– Всё схвачено, – хмыкнул он. – Завтра у меня встреча с твоим деканом. Буду официально отпрашивать тебя на производственную практику.

Светлана Семёновна выражала неодобрение всем своим видом: губы поджаты, глаза прищурены, ноздри раздуваются, руки скрещены на могучей груди.

Прямо рыба-ёж в гневе.

Вячеслав встретил её взгляд, как сталь встречает сталь во время горячей битвы.

– Приготовьте комнату для гостей, – сказал он гранитным

тоном. – Моя коллега поживёт у нас пару дней.

Объяснять что-либо Вячеслав не счёл нужным: это его дом и он здесь хозяин.

– Будет сделано, Вячеслав Игоревич, – выдавила домохозяйке и глянула на Морену коброй, однако перечить не стала.

Барменша же не обратила никакого внимания на столь "радушный" приём. Она округлила глаза и приоткрыла рот, ещё когда они ехали по аллее к дому, и до сих пор сохраняла это нелепое выражение лица.

– Уау! – Восхищалась она коваными вензелями, псевдоантичными скульптурами, исполинскими французскими окнами, гобеленами, балюстрадами и террасами. – С ума сойти!

Барменша процокала невысокими каблуками по мрамору просторного холла и вскинула голову к потолку, с недосяжимых высот которого спускалась люстра венецианского стекла.

– Да моя съёмная дыра, наверное, в твоей спальне запросто уместится!

– Твоя съёмная дыра запросто уместится в моей уборной, – уточнил Слава и ухмыльнулся. – А теперь ступай, Светлана Семёновна покажет тебе твою комнату. А ко мне позовите Валерия, – сурово рыкнул он, обращаясь уже к хаускиперше. Женщина дёрнулась и вытянулась по струнке, точно дембель на плацу. – Немедленно.

Валера хмурой тенью ввалился в кабинет. Лицо молчуна по накалу страстей напоминало кирпич.

– Вот. – Нестеренко протянул водителю сложенный пополам лист, где мелким чётким почерком зафиксировал номера загадочной тойоты. – Выясни всё от и до. Ясно? И между делом заскочи к Маринке в Отрадное и привези всё, что она попросит.

– Так точно, – кивнул Валера. – Что-нибудь ещё?

Вот... молодец. Молодец. Никаких эмоций, никаких лишних вопросов и нелепых уточнений. Всё чётко и по делу.

Надо к чертям увольнять Эллочку и брать парня первым помощником.

– Пока всё, – Слава добрёл до кресла и рухнул в кожаные глубины. – Можешь идти.

Молчун развернулся и, чеканя шаг, двинулся к выходу.

Когда тяжёлая дверь закрылась за Валериной спиной, Нестеренко глубоко вздохнул и открыл верхний ящик стола. Именно открыл, а не просто выдвинул: ящик этот он запирает на ключ, а ключ прятал под нарядным пресс-папье в виде заснеженной избушки.

В ящике хранились секреты.

Початая бутылка французского коньяка, небьющаяся чудо-стопка, сигары и... фотографии.

Много фотографий. Старые, пожелтевшие, с обтрепавшимися краями, в альбомах, конвертах и рамках, моменталь-

ные палароидные снимки и постановочные работы фотохудожников...

Память. Память, которая норвила ускользнуть, точно песок сквозь пальцы.

Вот, в резной рамочке, Машенька в свадебном платье. Улыбается. Синие глаза сияют счастьем. Она уже беременна, но пока не видно: срок совсем маленький.

Как, помнится, они всех тогда удивили! Залетевшей невесте – двадцать, а горе-жениху только-только восемнадцать сравнялось.

Родители Машеньки готовы были Славу задушить, однако он заявил, что возьмёт на себя ответственность за жену и ребёнка в полной мере и со всеми вытекающими.

"Рядом со мной ваша дочь ни в чём не будет нуждаться", – заявил он разъярённому тестю, когда тот уже схватился за ружьё.

Ни в чём и никогда...

Слово своё Нестеренко сдержал. Бросил учёбу, работал в две смены, калымил и каждую копейку нёс жене.

С тестем они сдружились весьма основательно и двустволку, из которой Михаил Павлович совсем недавно хотел пристрелить незадачливого зятя, теперь всегда брали с собой на охоту.

Вот он, Михаил Павлович, с той самой двустволкой на плече, а рядом – подстреленный кабан. Знатная добыча! Тесть улыбается, довольный, даже уши покраснели...

Ох, и нажрались они тогда! Вспомнить страшно. Домой только сутки спустя попали...

" – Не народила мне жинка казака, – заявил тесть той памятной ночью, когда они ужинали водкой и тушёнкой под треск костра и вой ветра. – Но Господь мне тебя послал. Будешь, Славка, мне сыном!"

Эх... Хороший был мужик. Шестнадцать лет, как нет его. Погиб на стройке, ни дня не болея: несчастный случай с летальным исходом... Умершую от рака жену МихалПалыч пережил всего лишь на год...

Слава тестя любил и уважал как родного отца. Собственных родителей Вячеслав не помнил: растила его тётка, сестра матери. Тётка – женщина молчаливая и строгая – хмурилась даже на фото: сидела прямо-прямо, будто лом проглотила, и глядела волком – вот-вот кинется и разорвёт... Помыслы у неё были самые чистые, а рука – тяжёлая...

"Умерщвляя плоть, дух укрепляем!" – говаривала она, охаживая его ремнём за очередную провинность.

Нестеренко хмыкнул и плеснул коньяка в чудо-стопку. Он чувствовал себя омерзительно трезвым и решил без промедления исправить ситуацию.

– За тебя, родная, – Вячеслав отсалютовал рюмкой портрету жены.

Взгляд Машеньки – незамутнённое счастье с примесью робкой надежды на чудо – грел душу не хуже спиртного, и Нестеренко продолжил методично перебирать снимки.

Армейка... Боевые друзья-товарищи. Выгоревшие на солнце гимнастёрки и боль, которая не меркнет с годами...

И никакой алкоголь не поможет забыть...

А вот Ангелинка – пухлощёкий малыш на руках измученной, но такой счастливой Машеньки. Торжественная выписка, первые шажки, первая улыбка, первый зуб, первый Новый Год и первый день рождения. Первый торт – здоровенный, прямоугольный, с розами из голубого крема и полосатой красно-жёлтой свечой-единичкой...

Слава так хотел сделать жизнь единственной дочери волшебной, полной любви и добрых чудес, ведь сам он этого никогда не знал... Вячеслав сразу решил, что станет лучшим отцом во всём необъятном мире, и у него неплохо получалось... до поры до времени.

Держа в руке снимок Ангелины-первоклашки – гигантский бант, букет пионов, огромный рюкзак и море энтузиазма – Нестеренко набрал номер клиники.

– Доктора Тихомирову, пожалуйста, – попросил он и вытащил из внутреннего кармана пачку сигарет. – Да, конечно, я подожду.

Ждать пришлось прилично: Любовь Петровна ответила в тот самый миг, когда он вдавил окурок в хрустальную пепельницу.

– Я бы хотел поговорить с дочерью, – заявил он без особых прелюдий. – Сейчас.

– Я так и поняла, Вячеслав Игоревич... – Тихомирова го-

ворила спокойно и с достоинством, как и положено высококлассному психиатру. – Вот только...

Она замялась, и Нестеренко рыкнул в трубку грубее, чем планировал:

– Что "только"?

– Ангелина не хочет говорить с вами.

– Сейчас не хочет? – зачем-то уточнил Слава.

– Совсем не хочет, – последовал тихий ответ. – Никогда.

После долгой и конструктивной беседы с доктором, Нестеренко долго и деструктивно топил беды в рюмке. Получалось плохо: кабинет плыл перед глазами на ура, а вот проблемы не растворялись вовсе, словно брошенные в воду куски гранита.

Слова Тихомировой мельтешили в памяти бессмысленными обрывками: "Пограничное состояние", "Истерия", "Синдром отмены", "Зависимость"...

Сделав глубокий глоток прямо из горлышка, Вячеслав поймал синий взгляд Машеньки.

– Родная... – прохрипел он. – Что я сделал не так?

– Не стоит пить одному. – Голос заставил его вздрогнуть.

– Как ни крути, это признак алкоголизма.

Морена стояла, привалившись к косяку и скрестив руки на груди. В густом полумраке кабинета она казалась призраком. Призраком в белой мужской рубашке...

И долго она тут торчит?

– Не спится? – Слава старался придать тону нарочитую небрежность.

– Постель жёсткая. – Барменша сморщила носик и двинулась к нему. – Всё тело теперь в синяках.

Первым позывом было вызвать на ковёр Светлану Семёновну и устроить грандиозный разнос, однако Вячеслав вовремя перехватил лукавый взгляд раскосых глаз.

Вот лиса!

– Принцесса на горошине, – хмыкнул он, и новый оттенок печали мелькнул в палитре воспоминаний: в детстве Ангелина обожала эту сказку...

– Угадал.

Прежде, чем Слава успел её остановить, Морена подхватила со стола портрет Машеньки.

– Красивая, – сказала брюнетка, разглядывая снимок. – Твоя жена?

– Да, – хрипло ответил Вячеслав и забрал фото. Спрятал обратно в ящик.

– Где она сейчас?

– Её... нет. – Если б не коньяк, Нестеренко нашёл бы пару хлёстких фраз, которые навсегда отбили бы охоту расспрашивать его о супруге. Однако почему-то именно сейчас, в эту самую минуту, Вячеслав не хотел прогонять Морену. Со всем не хотел... – Она... умерла. Давно.

– Ты крепко любил её?

Какой простой вопрос...

И как чертовски сложен ответ!

Разве не видно?

Разве ты не видишь этого, наивная маленькая певунья с лошадиными зубищами?

Неужели ты настолько слепа, чтобы не заметить, не понять?

Разве у тебя совсем нет сердца?

Слава поднял голову и встретился с барменшей взглядом. Грустно улыбнулся.

– Я до сих пор люблю её, Морена. Её одну...

1. Ксеноморф – инопланетный монстр из франшизы про Чужих.

ГЛАВА 6

Если поднести к дремлющей кошке пылесос и неожиданно включить, можно увидеть квинтэссенцию страха. Отличный способ. Однако сегодня Вячеслав открыл ещё один: посадить Морену в самолёт и скомандовать взлёт.

– Не нервничай, – усмехнулся он, наблюдая за её паникой.

– Я и не нервничаю! – выпалила барменша и продолжила кусать нижнюю губу. В черных глазах застыл неподдельный ужас, побелевшие пальцы вцепились в подлокотники кресла.

– Просто я ни разу раньше не летала, вот и всё!

– Краба ты тоже ела впервые, однако он тебя не испугал, – парировал Слава и крикнул: – Поехали!

И они поехали...

Точнее полетели.

Своего самолёта Вячеслав не имел – слишком дорого и бессмысленно содержать, однако чартеры всегда заказывал в одной и той же компании, поэтому хорошо знал всю команду.

Командир воздушного судна – Николай – считался одним из лучших в своём деле. Ему запросто доверяли свою жизнь маститые политики, миллиардеры и звёзды недосыгаемой величины. Второй пилот – задорный рыжий уроженец Саратова по прозвищу Ус – хвалился, что способен поднять в

воздух всё, у чего есть крылья, и даже некоторые бескрылые объекты. Бортпроводница Жанна отличалась стрессоустойчивостью скалы, услужливостью гейши и удивительной ненавязчивостью, которую Слава особенно ценил.

Сейчас, например, она принесла шампанское в ведёрке со льдом и растворилась, словно тень на рассвете.

– Начнём с простого, – сказал Нестеренко, наполняя высокий бокал. "Взлёт – опасен, полёт прекрасен, посадка – сложна" – говаривал Николай. И сейчас, когда самое опасное позади, можно немного расслабиться. – Как звали твою маму?

– Зульфия... – на автомате отозвалась Морена. Она прилипла носом к иллюминатору и не замечала ничего вокруг.

Слава усмехнулся и качнул головой.

Ну какой же она, в сущности, ещё ребёнок!

Хотя там, за бортом, и в самом деле невероятно, неопишимо красиво. Рваная вата облаков, а под ней – лоскутное одеяло далёкой земли, серебряные нити рек, бескрайний простор, достойный самых смелых фантазий и самых чистых надежд...

Вячеслав слишком хорошо помнил свой собственный первый полёт, чтобы всерьёз сердиться на черногривую барменшу. И, тем не менее...

– Не отвлекайся! – он всунул ей фужер.

– Прости. – Брюнетка сделала маленький глоточек. – Там... так высоко...

– Есть немного. – Нестеренко налил шампанского себе.

Дорогущее – Вдова Клико – но смысла в нём не больше, чем в Советском полусладком. Бестолковый напиток: ни градуса, ни вкуса.

– А мы не разобьёмся?

– Не должны, – серьёзно ответил он, прислушиваясь к равномерному гулу мощных двигателей. – Ну что, готова к вопросам?

– Готова, – вздохнула Морена и одним глотком осушила бокал.

– Ну, тогда погнали, – кивнул Слава и начал допрос с пристрастием: – Как звали твою мать?

– Мария.

– Где она сейчас?

– Умерла от рака, когда мне исполнилось тринадцать, – уверенно выдала барменша. – Похоронена на Алексеевском кладбище. На могиле стоит мраморный ангел.

Надо бы переходить к более сложным вопросам...

– Где ты учишься?

– Я учусь на переводчика в одном из лучших Московских вузов, – оскалилась Морена. – Мечтаю много путешествовать.

– Чем занимается твой отец? – Вячеслав сложил руки на груди и вскинул бровь.

– Я не обсуждаю с посторонними дела моего папы, – псевдомексиканка так убедительно изобразила праведный гнев, что Слава не смог сдержать улыбки.

Молодец!

Нестеренко гонял её целый час. Она запомнила всё: его любимый одеколон, название кафе, куда он водил дочь и жену по выходным есть мороженое, места, куда Вячеслав летал отдыхать, даже номер части, в которой он служил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.